

Г. А. ПРАЗДНИКОВ,
заведующий кафедрой философии СПбГУП,
кандидат философских наук, профессор

МИР ЧЕЛОВЕКА И ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТА

1. Видимо, никогда прежде, как на рубеже третьего тысячелетия, так остро не осознавалась диспропорция между нашими знаниями о природе (включая человека) и о человеке как личности, о «человеческом мире» во всем многообразии его проявлений. Состояние беспокойства, встревоженности, возникающее в ситуациях нестабильности, может не заметить только совершенно нечуткий человек. Связано оно с кризисом идентичности практически всех форм культуры, в том

числе и осмысливающей культуру теории. Искусство, религия, этика, философия, принадлежащие «по ведомству» к гуманитарной сфере, часто не только не отвечают критерию человечности, но и декларируют дегуманизацию мира. Творчество утратило статус самооценности и вышло из круга самооправдания. Всякая специфическая деятельность осуществляется в реальном пространстве культуры. Любые характеристики творчества «работают» и что-то значат в контексте

конкретного человеческого бытия. Именно культура превращает социальное пространство в «человеческий мир». Кризис культуры есть кризис жизни. Многообразие явлений культуры — не конгломерат различных феноменов, но некое сложное единство. Не отдельные знания, не техника или профессиональное мастерство, а смыслодержательные связи человеческого бытия являются системообразующими факторами культуры. Стремление науки выйти на предельно общие понятия, в границах которых можно было бы объединить различные теории и концепции, характеризует гуманитарное знание (впрочем, и науку в целом).

2. В середине 80-х годов Д. С. Лихачев высказал мысль о необходимости разработать научное понятие, вмещающее в себя совокупность сложнейших взаимоотношений людей друг с другом, внутренний мир отдельного человека, контакты человечества с природой и Вселенной, понятие «всеобъемлющее как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себе иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность» (Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14). Эта мысль выдающегося ученого продолжает научную традицию русской культуры, теоретически выражающую особенности мировоззрения, мироощущения, мирочувствия русского человека (его «космо-психо-логоса», по удачному определению Г. Д. Гачева), стремящегося «установить, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному во времени и пространстве миру, понимая его как одно целое» (Л. Толстой). Переживание единства жизни, мига и вечности, человека и мира определяло своеобразие духовного поиска отечественной философии, искусства и науки. Антропоцентризм, сформировавшийся на Западе в период Ренессанса и преодоленный европейским мышлением еще в XVII в., до начала XX века был исходным принципом в русской культуре. Он поныне представляет достаточно значимую, хотя и не единственную, тенденцию гуманитарного знания. Развитие естествознания не отменило его, более того, многие искания русских ученых шли от этого корня. Разработка К. Э. Циолковским идеи космической ракеты или учение В. И. Вернадского о ноосфере в значительной мере определялись их нравственным поиском, строились на жизненном основании. Обращенность русской духовной культуры к онтологическому единству мира была потеснена в философии советского периода преимущественно гносеологической проблематикой. Однако было бы несправедливо говорить о прерванности традиции.

Дальнейшее развитие получила разработка предельно широкой целостной системы, где в единстве практической, теоретической, практически-духовной деятельности происходит становление мира как «мира человека». Это новое теоретическое понятие было введено в научный обиход в середине 60-х годов П. В. Копниным и С. Л. Рубинштейном (каждым в отдельности), однако оно не вошло ни в философскую энциклопедию (1960–1970), ни в неоднократно переиздававшиеся философские словари. Мир — это целое, в котором среда и человек находятся в состоянии сложнейших взаимообусловленностей и взаимопереходов. Более того, сам человек — среда. Среда *для себя* — среда внутренних духовно-душевных преобразований. Среда *для других* — когда в деятельности объективно возникают внутренние отношения в виде внешней силы, привлекающей, восхищающей, созидательной, опасной, подавляющей, разрушающей...

3. «Мир человека» — нейтральное, безоценочное понятие. Совсем не обязательно это — «человеческий мир». Человечность — качественная оценка мира, и связана она не с любой идеально-духовной деятельностью, а только с деятельностью нравственно направленной. Мы же говорим: бесчеловечная идея, бесчеловечный проект... Человеческий мир всегда — единство сущего и должного. Он связан с Абсолютом, Идеалом, ориентирован на подлинные ценности человеческой жизни, а потому предполагает нравственное измерение. Любая деятельность не только совокупность специализированных действий, но и жизненный поступок в человеческом мире. Просто и точно сказал об этом Майкл Фарадей: «Физик, математик, равно как представитель любой профессии, есть прежде всего человек, обращающийся к людям». В этих словах физика — не только суть гуманитарного мышления, но и емкая формула интеллигентности.

4. Интеллигентность определяется не владением хорошими манерами или иностранными языками, не умением сочинять стихи или ставить спектакли, не способностью понимать Платона и Гегеля (хотя по многим сущностным обстоятельствам деятельность интеллигента связана с этими навыками). В первую очередь это потребность и способность соотносить свою жизнь и профессиональную деятельность с общими проблемами бытия, с сохранением и утверждением духовности и душевности человеческого существования в мире. Человеческие действия (в первую очередь собственные!) интеллигент оценивает не только как точные и неточные, целесообразные и нецелесообразные, но и как

мужественные, трусливые, благородные, справедливые, жестокие, великодушные... Интеллигент не функциональная ролевая характеристика, а некое определение человека как личности, чья жизненная позиция составляет нравственно-целостное самоопределение в ценностях бытия и сохраняет единство личности в значительных временных отрезках.

Самое существенное в жизненной позиции то, что она — в равной мере над жизнью (осмысление жизни) и в самой жизни. Это не теоретическое (пусть даже самое глубокое) суждение о смысле жизни, а жизнь как нравственное действие — «воплощающийся принцип» (Гегель), «самостоянье» (Пушкин), «ответственное поступление» (Бахтин). Такими жизненными поступками становятся художественное творчество, философская деятельность, управленческие решения...

Б. П. Сорокин называл «законом поляризации» способность в сходной ситуации реализовать разные формы поведения в зависимости от типа личности. Процессы распада и дезинтеграции не могли не коснуться интеллигенции России — образовался своеобразный слой люмпен-интеллигенции, культур-буржуазии.

Со всей серьезностью и ответственностью надо оценивать процессы, происходящие в средней и высшей школе, связанные с дегуманитаризацией образования. Причем речь идет не только о соответствующих действиях чиновников, но и об осмыслении этих процессов самими гуманитариями.

Высказывается мнение: поскольку исчезает интеллигенция как изживший себя слой общества, отпадает и необходимость гуманитарного образования, смысл которого состоял в приобщении к этому слою. Такое образование можно оставить для желающих — не более того. Современному обществу нужны интеллектуалы, обладающие хорошим

фрагментарным знанием и способные к профессиональной экспертизе (см.: Десять гуманитариев в поисках университета: Круглый стол о судьбе гуманитарного образования в России // Неприкосновенный запас. 1998. № 2. С. 16–29).

Возможно, культура на нынешнем этапе переживает пик своего поиска смысла жизни. Возникновение в середине XX века новой для педагогики и философии гуманитарной дисциплины — философии образования — знамение времени. Образование трактуется как базовый процесс в культуре, содержанием которого является не профессионализация, а формирование человека соответственно образу и смыслу его целостного бытия. В качестве физика, агронома, экономиста, пианиста, врача человек должен состояться как личность. В любой деятельности, в конечном счете, реализуется не только профессиональное задание, но определенная жизненная стратегия, основы которой составляют любовь, долг, достоинство, мужество, совесть...

«Клятва» и «Мужество» Анны Ахматовой, блокадные стихи Ольги Бергольц, «Седьмая симфония» Дмитрия Шостаковича — все это нравственные поступки художников, акты жизненного деяния, неотъемлемые от гражданской истории Ленинграда. Так прожил свою трудную и прекрасную жизнь Д. С. Лихачев. Он не был святым, и надо всячески противиться созданию из его образа иконы. Но с уверенностью можно сказать, что его деятельностью создавались не только книги, но наш мир, мы сами, собственно человечность.

Органичное соединение духовности, свободы и личной ответственности не может быть массовым. Невозможно быть интеллигентом без праведничества, жертвенности, аскетизма. Интеллигенция элитна. Именно поэтому она — идеал, ценностный ориентир в конституировании человеческого мира.